

Наука кибернетика

В 1954 году я заканчивал второй курс факультета электровакуумной техники и специального приборостроения МЭИ. После второго курса нам предстояло «специализироваться», и я выбрал системы автоматического управления. Мы, «автоматчики», тогда бредили кибернетикой. Ее уже не называли лженаукой, но еще и не легализовали. Помню, как наши профессора и мы, студенты, сочиняли коллективное письмо в правительство в поддержку кибернетики. Я взялся передать его отцу. Отец ничего не спросил, ничего не сказал, прервал мои объяснения коротким: «Я сам прочитаю». И, видимо, прочитал. В мае в центральных газетах напечатали статьи о пользе ЭВМ. В них впервые упомянули и кибернетику не как лженауку, а как просто науку. Вскоре вышла в русском переводе книга «отца кибернетики» Норберта Винера. Я ее не то чтобы прочитал, внимательно проштудировал и разочаровался... Какая-то схоластика, неконкретность, скорее – философия от науки, чем наука, и уж точно – не инженерия. Неприятие книги я отнес на свой счет, значит, я недостаточно умен, чему очень расстроился.

Значительно позже, в 1960-е годы, когда кибернетика стала супермодной, я обнаружил, что не одинок в ее непонимании. Тогда каждая республиканская академия наук уже успела создать свой институт кибернетики. Только Москва довольствовалась «допотопным»

Институтом автоматики и телемеханики, во главе с академиком Вадимом Александровичем Трапезниковым. «Свой» институт, входивший в Отделение технических наук, переименовывать в «Кибернетический» он не торопился.

И тут подсустились математики, предложили президенту Академии наук СССР Мстиславу Всеволодовичу Келдышу создать при их отделении Институт кибернетики во главе с академиком Андреем Алексеевичем Марковым. Келдыш не возразил, но попросил их сформулировать так, чтобы он понял, что такое кибернетика. Математики Келдыша больше не беспокоили.

Я тоже расстраивался недолго. По окончании Энергетического института пошел работать в конструкторское бюро, тогда еще не академика, Владимира Николаевича Челомея, занялся разработкой систем управления ракетами. «Общekiбернетические» проблемы волновать меня перестали.

День за днем

В марте 1954 года газеты сообщили о ходе строительства гидроэлектростанций: Волжской под Куйбышевом (Самарой), Сталинградской (Волгоград), Горьковской (Нижний Новгород), Иркутской на Ангаре, Новосибирской на Оби, Камской, Дубоссарской на Днестре и еще нескольких. После войны Сталин приказал переориентировать энергетику страны на использование, как он считал, дармовой энергии рек. Энергетики взяли под козырек и теперь строили плотины, перегораживали реки, где только возможно.

1 апреля провели традиционное, «сталинское» снижение цен, куцее, но снижение.

17 апреля 1954 года отцу исполнилось 60 лет. Его юбилей члены Президиума ЦК решили отметить по-особому. 17 апреля отцу присвоили звание Героя Социалистического Труда, подчеркнув тем самым его лидерство. До того юбилеи членов Президиума отмечали не более чем орденами Ленина. В ноябре 1953 года шестидесятилетие справил Каганович – революционер с куда большим стажем, чем отец, его тогда наградили орденом Ленина.

На одной из пустовавших государственных дач, где-то в районе Барвихи, коллеги по Президиуму устроили отцу торжественный обед. Снег чуть-чуть подтаял, пахло весенней сыростью, но по вечерам морозец снова подмораживал лужи. Стол, по теплой погоде, накрыли на втором этаже, на застекленной веранде. Из окон виделся окружающий дачу густой лес. Обед считался неофициальным, но из детей пригласили только нас, жены тоже пришли не все. Обед ничем не отличался от многих других застолий. Долго сидели за столом, произносили тосты, подшучивали друг над другом. Ворошилову норовили вместо водки налить в рюмку воду. Обнаружив подмену, Климент Ефремович неизменно сердился, что остальных столь же привычно веселило. Пили умеренно. Завершили обед традиционным в компаниях тех времен песнопением. Пели про рябину с дубом, про Днепро, что ревет могуч, про казаков, что идут полем на войну. Разошлись не поздно, часов в одиннадцать, на следующий день в девять утра всем требовалось быть на работе, а мне на лекциях в институте.

Из приятных событий весны и лета 1954 года вспоминаются апрельские гастролы старейшего, его основали при Людовике XIV, и знаменитейшего парижского государственного театра «Комеди Франсез». Его тогда называли французским МХАТом. В здании Малого театра они давали классику: «Мещанина во дворянстве» и «Тартюфа» Мольера, и «Сида» Корнеля. Отец, со всей семьей, дважды ходил посмотреть на парижское чудо. Артисты громко изъяснялись на французском, естественно, без перевода, ничего не понимавшая публика ревела от восторга. Французы же! Отец едва не заснул на спектакле, но после закрытия занавеса стоя аплодировал актерам.

Через много лет я прочитал в одной критической статье: актеры в тот год играли средне. Какое это имело значение? Мы восхищались не мастерством актеров, а млели от одной мысли, что после десятилетий изоляции у нас, в Москве, – самый настоящий Парижский театр.

7 мая 1954 года Президиум Верховного Совета СССР восстановил смертную казнь за убийство. Мало кто помнит, что Сталин из «гуманных побуждений» после войны запретил карать смертью. Запрет на деле распространялся только на уголовников. Хотя «политических» тоже к смерти больше не приговаривали, но «тройки» давали им «десять лет без права переписки», что означало немедленный расстрел. Кто о них посмеет вспомнить через десять лет?

Теперь Сталин умер, сталинские «тройки ускоренного судопроизводства» прекратили свое существование, и правоохранные органы столкнулись с извечной проблемой, что делать с закоренелыми преступниками, убийцами-рецидивистами. Решили, что «горбатого только могила исправит» и приняли соответствующий закон. Люди его, как мне помнится, одобрили.

Сталинские «тройки» приговоры больше не выносили, но осужденные ими за мнимые преступления по политическим статьям продолжали отбывать свой срок в лагерях. После бериевской амнистии уголовникам прошел уже год. Надежда на скорое торжество справедливости сменялась отчаянием, отчаянье – озлобленной решимостью. А там недалеко и до беды. Беда не заставила себя долго ждать. 16 мая 1954 года восстали заключенные Степного лагеря (Степлага) в местечке Кенгир под Дзержинском в Казахстане. Они там добывали медную руду, вреднее и тяжелее работа только на урановых рудниках.

Восстание перекинулось на соседние лагеря, они там были буквально на каждом шагу. Вскоре в нем участвовало восемь тысяч человек. В переговоры с властями повстанцы вступать отказывались, требовали одного – свободы. Волнения продолжались сорок дней. Министр внутренних дел генерал-полковник Круглов «утихомирил» восставших в сталинских традициях, автоматами и танками. Сталинисты в Президиуме ЦК – Молотов, Ворошилов, Каганович – его решительность в наведении порядка одобрили, отцу же события в Степлаге еще раз напомнили, что, порывая со старым, невозможно сохранять старые порядки. Но открыто разделаться с ними он пока не решался, страшился покуситься на систему, воздвигнутую Сталиным. Ведь это означало – покуситься на самого Сталина и с совершенно непредсказуемыми последствиями.

Политических заключенных начали потихоньку освобождать сразу после ареста Берии, после событий в Дзезказгане этот процесс ускорился, но на свободу выходили единицы. В лагерях оставались сотни тысяч политических. Тем не менее, система дала трещину, и в то немалый вклад внесли восставшие заключенные Степлага.

5 июня 1954 года напротив Кремля, в доме на Набережной архитектора Иофана открылся Театр Эстрады под руководством еще дореволюционного мастера разговорного жанра Николая Смирнова-Сокольского.

6 июня напротив Моссовета (мэрии), на Советской площади (ныне Тверская площадь) открыли памятник основателю Москвы князю Юрию Долгорукому. Его заложили в 1947 году, когда праздновали 800-летие столицы, на месте обелиска Свободы скульптора Николая Андреева, установленного 17 июля 1919 года взамен конной статуи царского генерала Михаила Скобелева, прославившегося во времена Александра II в войне с турками. Чехарда с памятниками дело для России привычное.

10 июня открыли подписку на государственный заем, на очередные шестнадцать миллиардов рублей. Сумму займа рассчитали по минимуму. Заняли ровно столько денег, сколько требовалось на выплаты по займам предыдущих лет.

26 июня 1954 года в Обнинске, неподалеку от Москвы, заработала первая в мире атомная электростанция, небольшая, всего в пять тысяч киловатт, но первая. Мы снова обошли Америку и верили, что скоро она вообще останется позади. Так мы, студенты, восприняли эту новость.

30 июня 1954 года поголовно все москвичи, и не только они, закоптив стеклышки, наблюдали солнечное затмение.